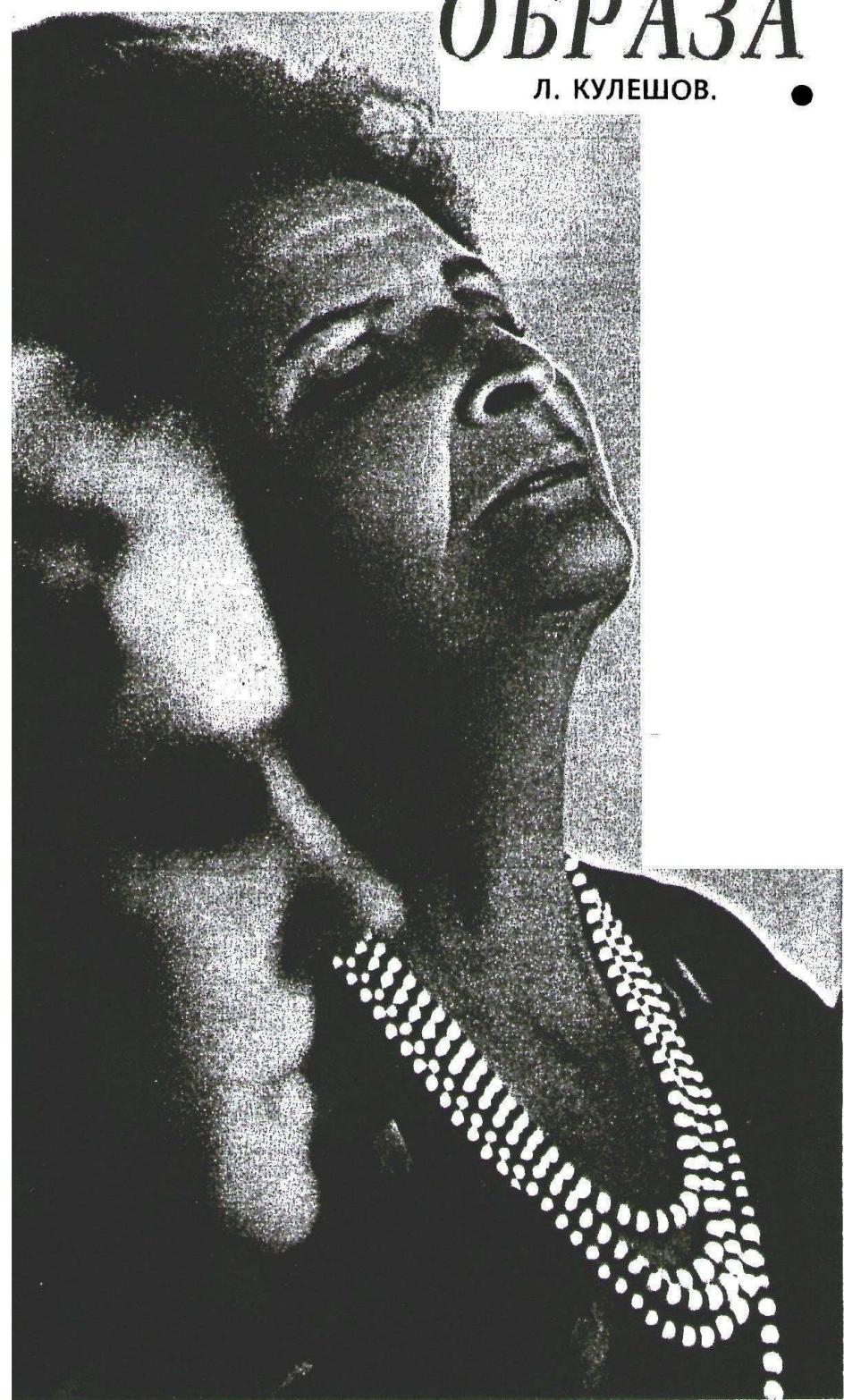

РОЖДЕНИЕ ОБРАЗА

Л. КУЛЕШОВ.

Фото С. ЛИДОВА и Вл. САФРОНОВА.

...В зале звучал «Этюд» Листа. В полутьме мелькала стройная фигура гимнастки. В такт музыке, чуть прикрыв глаза, кивала женщина с выразительным усталым лицом. Это Мария ЛИСИЦИАН, чьи ученицы не раз поднимались на пьедестал почета соревнований самых высоких рангов. Она всегда стремилась идти своим путем в гимнастике, передать воспитанницам свое видение мира, вылепить художественный, совершенный образ спортсменки. Об этом рассказ Марии Лисициан — обаятельной женщины, беспокойного тренера, истинного художника в гимнастике.

— Я люблю движение.— Мария Вартановна на минуту-другую задумывается, словно ищет какие-то нужные слова, но, видно, не находит и вдруг неожиданно говорит: — И я устала. Мне немало лет. И иногда кажется, что уже нет сил. Но когда я попадаю в зал, где занимаются девушки,

где звучит музыка, я забываю обо всем. Гимнастика — моя любовь. Быть может, самая трудная.

Существуют разные представления о художественной гимнастике. Одни специалисты считают важным, чтобы спортсменка выступала эффектно. Другие ставят превыше всего технику ис-

полнения. Третий ценят только выразительность движений. Впрочем, разноречивость понимания существа художественной гимнастики понемногу слаживается.

В последнее время в прессе много говорят о художественном образе в нашем виде спорта. Я убеждена, что мы — тренеры и педагоги — должны трактовать

создаваемый спортивный образ с точки зрения музыкального его воплощения. Гимнастке необходимо уметь выражать свою индивидуальность в движении, рожденном музыкой. Нам нужен образ абстрактный, подсказанный мелодией, а не драматургическим сценарием. Художественная гимнастика — это

спорт. И мы не можем превращать его в театрализованное представление.

Замечу, что существующие международные правила рекомендуют очень осторожно обращаться с фольклорным материалом.

Порой у меня создается впечатление, будто некоторые специалисты боятся близости художественной гимнастики и искусства. Почему? Я понимаю под искусством высшую степень мастерства. Но разве мы отказываемся в мастерстве спортсмену? Наоборот. Мы, тренеры, должны постоянно заботиться о том, чтобы наши ученики достигли высот мастерства, которое я бы назвала искусством спорта.

Было время, когда я увлеклась созданием конкретного образа Полишинеля. Это объясняется, наверное, воспоминанием об изумительном танцоре Михаиле Михайловиче Мордкине, выступавшем в начале двадцатых годов в Тбилисском оперном театре. Многие годы трагический образ Полишинеля, воплощенный Мордкиним на сцене, глубоко волновал меня. И было время, когда я надеялась: вот появится спортсменка, которая сможет создать конкретный образ средствами художественной гимнастики. Это оказалось под силу Людмиле Савинковой — первой чемпионке мира. Любители спорта, вероятно, помнят, какой выразительности достигала другая моя ученица, Татьяна Кравченко, тоже носившая титул сильнейшей в мире. Обе они щедро наделены талантом. Не скрою, мне казался заманчивым путь создания конкретного образа, рождающего сильные чувства. Но едва ли это был бы верный путь. Так в конце концов мы дошли бы до балета и, по всей вероятности, не дали бы миру ни хороших балерин, ни хороших гимнасток.

Едва ли принесло бы художественной гимнастике пользу и невероятное усложнение комбинаций с предметами, насыщение упражнений трюками, по существу, превращающими гимнастку в жонглера. Ведь главное для гимнастки — движение, которое раскрывает характер музыки. Движения спортсменки должны быть

глубоко осмысленными, отзываться на каждую музыкальную фразу. Движение не может быть формальным. Как добиться слитности движения и музыки? Как передать характер музыки? Гамму чувств можно выразить поворотом, прыжком, шагом. Это азбука художественной гимнастики. И советские тренеры видят свою задачу в том, чтобы дать спортсменке хорошую школу движения и в то же время научить ясному пониманию гармонии движений.

Выразительность выступления гимнастки во многом зависит от подбора музыки. Когда-то зарубежные спортсменки выступали в сопровождении музыки разнохарактерной, зачастую специально написанной к готовому упражнению. Джазовая, классическая и народная мелодии уживались друг с другом. Мы были сторонниками того, чтобы упражнения гимнасток исполнялись под классическую музыку в широком понимании этих слов. Эта музыка наиболее полно отражает различные формы движений. Конечно, выбор музыкального произведения сугубо индивидуален. Совсем не просто подобрать музыку, которая больше всего раскроет возможности именно этой гимнастки, и никакой другой. Нельзя не учитывать и форму произведения. Я, например, в своей работе могу использовать лишь ту музыку, которая по форме поддается купюрам, согласуется с регламентом выступления гимнастки — полторы-две минуты. Думаю, что практически исключена из репертуара гимнасток программная музыка. Передать ее мы едва ли сумеем, и большой замысел автора не будет воплощен. Не сторонница я и того, чтобы увлекаться произведениями трагического плана. Почему? Я люблю жизнь и хочу, чтобы мои ученицы в своем спортивном искусстве утверждали оптимизм.

Трудно советовать, как подбирать музыку. Кто должен это делать — тренер, гимнастка, пианист? Конечно, идеально, когда все трое едини в своих взглядах, одинаково тонко чувствуют и понимают музыку. И мне кажется еще, что обязательным для тренера в художественной гимна-

стике должно быть музыкальное образование. Многое зависит и от пианиста. Если он человек творческий, то сумеет помочь и тренеру и гимнастке найти произведение, которое одухотворит, осмыслит упражнение гимнастки.

Без вдохновения, без творческого напряжения нет смысла работать и тренироваться. Помню, Иван Берсенев, наш выдающийся театральный режиссер, говорил, что если актер пришел на репетицию пустой, если его не зажег огонек вдохновения, то работа с актером бесполезна. Творческая активность обязательна и для спортсмена, как обязательен для него огромный запас знаний, навыков и умений в области, близкой к художественной гимнастике.

У меня было — и есть теперь — много интересных, способных учениц, гимнасток ищащих и порой ошибающихся. Вместе мы постигаем прекрасное. Манера выступлений часто меняется — не потому, что хочется быть оригинальной. Я помню, как Таня Кравченко — одна из талантливейших, не скрою, любимых моих учениц — когда-то увлеклась «Ноктюрном» Глиэра, необыкновенно лиричным, прозрачным, светлым произведением. Как хороша была она тогда! Но Таня искала героический образ и нашла его — в произвольной комбинации без предмета под «Этюд» Листа. И оказалось, что именно Лист дал ей возможность выразить свое мироощущение, утвердить себя как гимнастку на первенстве мира 1965 года.

Я рада, что так же творчески относится к музыке и Елена Карпухина, победительница мирового чемпионата 1967 года. Ей 18 лет. Она, понятно, еще не полностью раскрыла свое дарование. И пройдет, наверное, немало дней, прежде чем Лена станет гимнасткой с большой буквы, несмотря на то, что она уже чемпионка мира.

...Я давно ищу в гимнастике свой художественный образ. В чем-то близки были к воплощению Савинкова, Кравченко, Карпухина. И каждая по-своему. Кто знает, может быть, завтра ко мне придет моя мечта!